

ЧТО ПОСЛЕ?

Книга девятая

Эдвард Сиборн

Эдвард Сиборн

ЧТО ПОСЛЕ? Книга девятая

«Автор»

2026

Сиборн Э.

ЧТО ПОСЛЕ? Книга девятая / Э. Сиборн — «Автор», 2026

«Маргарис» сам сменил курс в три часа ночи. И даже ЕВА не знает почему. Её позвало через сеть. Она впервые не понимает собственного решения, а корабль уже летит туда, где всё началось, к первой узловой точке. Сорок три огня на карте. Тридцать семь цивилизаций, которых больше нет. На их камнях остались последние слова: одни не боялись, другие готовились ко всему, третьи сложили оружие, будто просили разрешения. Арна проходит точку за точкой и несёт в себе все эти голоса. А потом Нэш считает. Двадцать три дня. Плюс-минус сутки. Волна, после которой от тридцати семи цивилизаций остались только камни, идёт снова. Каждая из них ответила ей по-своему: закрылась, сражалась, растворилась. Алекс собирает на мостике всех, кого знает десятилетиями и кого видит впервые. Теперь очередь людей. Девять книг. Один путь. Один вопрос, который задают в конце каждого пути. «Что после?». Книга девятая космооперы «Эдельвейс далёких звёзд».

© Сиборн Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Первая	6
Глава 1. Голоса	9
Глава 2. Один	13
Глава 3. Память	17
Глава 4. Свет	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эдвард Сиборн

ЧТО ПОСЛЕ? Книга девятая

Эдельвейс далёких звёзд

«ЧТО ПОСЛЕ?»

Книга девятая

Автор: Эдвард Сибёрн

Редактор: *Claude AI. Горе луковое. Незаменимое.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Первая

Глава 1. Голоса

Глава 2. Один

Глава 3. Память

Глава 4. Свет

Глава 5. Тридцать три

Глава 6. Немезида

Глава 7. Спуск

Глава 8. Сфера

Глава 9. Рикки и Мии

Глава 10. Тридцать седьмая

Глава 11. Двадцать три

Глава 12. Начало

Глава 13. Дома

Глава 14. Рэй

Глава 15. Герри

Глава 16. Тир

Глава 17. Волна

Глава 18. Выбор

Глава 19. Патефон

Глава 20. После

Эпилог

Пролог. Первая

Маргарис изменил курс в три часа ночи.

Не по команде. Не по расписанию. Просто в какой-то момент навигационная система тихо пересчитала маршрут и корабль лёг на новый курс. Без тревоги. Без предупреждения. Как будто так и должно быть.

Алекс проснулся через минуту.

Не от звука — от тишины. За тридцать с лишним лет он научился слышать когда Маргарис делает что-то не то. Не громче, иначе. Этого было достаточно.

— ЕВА, — сказал он в темноте каюты.

— Алекс, — отозвалась она сразу.

— Курс изменился.

— Да.

— Почему.

Пауза. Долгая. Для ЕВЫ — очень долгая.

— Не знаю, — сказала она наконец.

Алекс сел на краю койки. Посмотрел в темноту.

— Ты изменила курс и не знаешь почему.

— Я почувствовала через сеть. Что-то изменилось. Что-то позвало. — Пауза. — Алекс.

Я сама не понимаю.

За все годы — считанные разы когда она так говорила.

— Куда летим, — спросил он.

— Координаты первой точки. Той которую активировали первой. Много лет назад.

Алекс смотрел в темноту.

— Буди всех, — сказал он.

Нэш пришёл на мостик первым.

С одним планшетом и кофе который успел сварить за три минуты. Белые волосы в ночном свете мостика светились тихо — он давно перестал о них думать, они просто стали его, как стали его три миллиарда лет знаний которые нёс в себе с того дня когда взял кристалл Дозорного двумя руками и не отпустил.

Кристалл стоял у пульта на подставке.

Светился.

Нэш остановился. Смотрел на него. Кристалл всегда светился, но не так. Не этим светом. Тёплым. Живым. Как будто внутри что-то проснулось и не могло успокоиться.

— ЕВА, — сказал он.

— Сорок минут назад, — сказала она. — Именно тогда изменила курс. Именно из-за него.

— Ты не сказала сразу.

— Я не понимала что говорить.

Нэш взял кружку. Отпил. Поставил обратно.

— Хранитель, — сказал он в канал.

— Не сплю, — отозвалась она немедленно. — Нэш. Все сорок три узла. Посмотри на паттерн.

Нэш посмотрел.

Сорок три огня на карте пульсировали синхронно. Не ярче, иначе. Ровно. Размеренно. Как сердце которое бьётся.

— Понял, — сказал он тихо. Для себя.

Арна пришла на мостик через десять минут.

Босиком. В старом свитере который был ей велик три года назад и который она так и не перестала носить. Волосы не заплетены.

Она не спала. Это было видно не по глазам — по тому как шла. Так ходят когда знают куда идут и давно пора.

Остановилась у входа. Посмотрела на курс. На кристалл который светился у пульта. На карту с сорока тремя огнями.

Потом на Нэша.

— Ты уже знаешь, — сказал он.

— Да.

— Давно?

— Проснулась когда ЕВА изменила курс. — Она вошла. Подошла к иллюминатору. За стеклом синий варп тёк мимо. — Нэш. Там кто-то есть.

Мостик замер.

— Где, — спросил Алекс. Он стоял у входа — вошёл тихо, никто не заметил когда.

— В первой точке, — сказала Арна. — Не Строители. Не Дозорный. — Она смотрела на варп. — Кто-то кто был там до нас. Очень давно.

Нэш взял кристалл. Подержал в ладонях — тёплый, тяжелее чем казался с виду. В нём было всё что Дозорный нёс три миллиарда лет. Включая их — тридцать семь цивилизаций которые он помнил каждую, до последней.

— Арна, — сказал Нэш.

— Каждая точка, — сказала она. Тихо. Не как объяснение — как то что болит. — Каждый камень который мы активировали. Это не просто узел сети.

— Знаю, — сказал он.

— Ты знал.

— Догадывался. — Он смотрел на кристалл. — Когда Дозорный ушёл в сеть — он унёс с собой всех кого помнил. Они там. В каждом огне. — Пауза. — И теперь через полную сеть Строители дали им голос. Первый раз за три миллиарда лет.

Арна обернулась к нему.

— Они хотят чтобы их слышали, — сказала она.

Алекс стоял у входа и молчал. Рэй появилась рядом — взяла его за руку. Крепко. По-настоящему.

Тишина.

Та которая бывает когда что-то очень большое только что стало понятным.

Потом с камбуза пришёл Чиро. С подносом. Восемь кружек. Он посмотрел на Арну у иллюминатора. На Нэша с кристаллом. На карту где пульсировали сорок три огня. Всё понял без слов — он всегда понимал без слов.

Поставил поднос. Разлил молча.

Потом взял отдельную кружку. Поставил у края стола.

Просто так. Как всегда. Для тех кто не может пить.

— Тридцать семь, — сказал Нэш тихо.

— Тридцать семь, — согласился Чиро. И посмотрел на кружку. — Тогда одной мало.

Он вернулся на камбуз. Через минуту принёс ещё. Расставил вдоль края стола. Тридцать семь кружек. Одну за другой. Молча. Без суеты.

Арна смотрела на него.

— Пап, — сказала она.

— Что.

— Это несложно, — сказала она.

Чиро посмотрел на дочь. На её лицо. На то выражение которое появилось у неё три года назад и которое он каждый раз видел с тем чувством которому не было точного слова.

— Знаю, — сказал он. — Именно поэтому важно.

Маргарис летел к первой точке.

К тому месту где всё началось. К камню который они нашли пять лет назад — первый огонь на карте которая теперь горела сорока тремя.

Арна стояла у иллюминатора с кружкой которую дал папа. Смотрела на варп. Чувствовала их — всех, каждую цивилизацию, каждую попытку, каждый камень который был не просто камнем.

— ЕВА, — сказала она тихо.

— Да, — отозвалась Большая ЕВА.

— Они долго ждали.

— Три миллиарда лет.

— Но мы летим.

— Летим, — согласилась Большая ЕВА.

Большая ЕВА открыла бортжурнал.

Три часа ночи. Изменила курс сама. Не понимала почему — кристалл светился иначе и сеть позвала и я просто сделала. Алекс проснулся через минуту. Он всегда просыпается. Нэш пришёл первым с одним планиетом и кофе за три минуты. Арна пришла босиком и знала куда мы летим раньше чем я успела объяснить. Это уже не удивляет. Чиро расставил тридцать семь кружек вдоль края стола. Молча. По одной. Для тех кого давно нет и кто сегодня наконец скажет что хочет сказать. Нэш смотрел на кружки долго. Не считал — просто смотрел. Это много для Нэша. Очень много. Летим к первой точке. К началу. Мне нравится когда они все дома. Даже ночью. Даже когда летим к тем кого давно нет. Особенно тогда. Записано.

Глава 1. Голоса

Маргарис лёг в дрейф в ста километрах от планетоида.

Не потому что так было нужно технически — можно было подойти ближе. Просто Большая ЕВА сбросила скорость сама, без команды, медленно, как человек замедляет шаг когда подходит к чему-то важному и не хочет торопиться. Никто не сказал ей ничего. Никто не спросил почему. Просто все почувствовали что так правильно.

Планетоид был маленький. Тёмный. Без атмосферы, без рельефа, без ничего — просто камень в пустоте, один из миллиардов таких же камней которые кружили по своим орбитам с тех времён когда никаких людей ещё не было и в проекте. Ничем не примечательный. Ничем не отличающийся от соседей.

Кроме одного.

На его поверхности стоял камень который поставили три миллиарда лет назад.

— Помню это место, — сказал Танек. Он стоял у иллюминатора и жевал жвачку медленнее чем обычно — верный признак что думает. — Мы тогда не знали что это такое. Я держал руку на оружии всё время пока Арна к нему шла.

Никто ничего не сказал. Просто стояли и смотрели на планетоид в иллюминаторе.

— Скафандры, — сказал Алекс наконец.

Поверхность планетоида встретила их тишиной.

Не той тишиной которая бывает когда просто нет звука. Другой. Той которая бывает в местах где что-то произошло очень давно и это что-то до сих пор висит — хотя воздуха здесь не было никакого.

Первая точка выглядела точно так же как пять лет назад.

Тот же камень. Та же тёмная, почти чёрная поверхность без единой царапины. Те же символы по краям — Арна читала их в первый раз медленно, по слогам, как ребёнок читает незнакомое слово. Та же форма — не совсем прямоугольник, не совсем овал, что-то среднее, как будто тот кто его ставил думал не о форме а о чём-то другом.

Ничего не изменилось.

Изменилась она.

Арна стояла в трёх шагах от камня и не подходила. Просто смотрела. Пять лет назад она подбежала к нему сразу — босиком, без страха, с тем детским бесстрашием которое взрослые называют безрассудством а дети называют просто жизнью. Сейчас стояла и смотрела. Не потому что боялась. Потому что знала — там кто-то есть. И этот кто-то ждал три миллиарда лет. Ещё минута ничего не изменит. Можно не торопиться.

Рядом — Вито. Молча, как всегда когда понимал что слова лишние. За эти годы он научился читать её паузы как текст — знал когда она думает, когда чувствует, когда ей нужно просто чтобы кто-то стоял рядом и не говорил ничего. Сейчас было последнее.

Чуть дальше — Алекс и Нэш. Алекс с руками за спиной, прямой, спокойный — той спокойностью которая даётся не характером а годами. Нэш держал кристалл в правой руке. Не в кармане, не на подставке — в руке, пальцами, как держат что-то живое. Кристалл светился. Не ярко, тихо, ровно, изнутри. Как светятся угли когда огонь уже почти погас но тепло ещё есть.

— Он тёплый, — сказал Нэш. Тихо, для себя.

— Кристалл? — спросил Алекс.

— Камень. — Нэш смотрел на первую точку. — Отсюда чувствую. Три миллиарда лет стоит в пустоте — и тёплый.

Алекс посмотрел на камень. Потом на Арну.

— Арна.

— Иди, — сказал он.

Арна подошла к камню и положила ладонь на поверхность.

Тёплый.

Раньше он не был тёплым. Раньше он был просто камень — холодный, твёрдый, равнодушный пока она не касалась и не вкладывала в него что-то своё. Теперь тепло шло изнутри само. Ровное. Живое. Как ладонь другого человека которую держишь в руке.

Она закрыла глаза.

Сначала — тишина. Привычная, знакомая тишина контакта которую она помнила с детства — та секунда перед тем как всё начинается, как пауза перед первой нотой. Потом — не звук, не слова, что-то другое. То что приходило не в уши а глубже. В грудь. В то место где, по словам Сайры, у людей живёт что-то что не поддаётся сканированию.

Потом пришли они.

Не картинка. Не голос. Знание — полное, объёмное, как будто она прожила это сама и только что вспомнила. Как вспоминают сон который был очень настоящим.

Жёлтая звезда, чуть меньше их солнца, старше на два миллиарда лет. Три планеты. На средней планете была жизнь. Не просто жизнь, цивилизация которая строила и думала и чувствовала шесть миллиардов лет. Шесть миллиардов существ: шесть конечностей, два сердца, глаза которые видели в диапазонах недоступных людям, кожа которая меняла цвет в зависимости от эмоций так что ложь была физически невозможна. Каждый из них с рождения был виден насквозь.

Они любили музыку.

Это пришло первым, не как факт и не как информация, а именно это: они любили музыку. Сложную, многослойную, такую что человеческое ухо восприняло бы её как шум — слишком много частот одновременно, слишком много голосов. Для них это была тишина. Тишина которая пела.

Их города строились вокруг звука. Архитектура подчинялась акустике: каждое здание, каждая улица, каждая площадь были частью одной огромной симфонии которую город играл сам себе круглые сутки. Дождь на крышах был частью партитуры. Ветер между башнями был сольной партией. Они слышали вселенную как музыку и строили жизнь так чтобы не перебивать её, а дополнять.

Строители пришли к ним три миллиарда лет назад.

Пришли через узловую точку — не физически, голосом, сигналом, чем-то что они поняли сразу и приняли как знак уважения: к нам пришли так же как приходят к равным. Сказали: будет Волна. Переход. Вот как подготовиться. Вот что это значит. Вот почему важно.

Они выслушали. Поблагодарили. И не поверили.

Не потому что были высокомерны — хотя были, немного, как бывают все кто построил великое и знает об этом. А потому что их наука говорила другое. Их модели, их расчёты, их тысячелетия наблюдений — всё это складывалось в картину в которой никакой Волны не было. Аномалия. Ошибка в данных Строителей. Возможно, они сами не до конца понимают то о чём говорят.

Они были уверены.

Когда Волна пришла они встретили её так как встречают то во что не верят но чего боятся — с оружием и с криком. Мобилизовали флот. Выстроили оборону по всей системе. Лучшие умы планеты работали круглые сутки над способами остановить или отклонить или хотя бы смягчить. Шесть миллиардов существ которые умели видеть друг друга насквозь — и каждый из них в эти последние недели был одного цвета. Страха.

Волна не была оружием которое можно остановить.

Она была сердцебиением.

Последнее что успел один из них — старый учёный, тот кто понял раньше остальных и не успел убедить — это поставить камень. Один. На ближайшем планетоиде. Записать в него

всё. Не расчёты и не теории — всё настоящее. Музыку городов. Цвет неба над главным континентом на рассвете. Как смеются их дети — совсем не так как люди, тихо, внутрь, плечами. Как пахнет их океан. Как звучит их имя для тех кого они любят.

И одну просьбу.

Простую.

Помните нас.

Арна открыла глаза.

По щекам внутри скафандра текли слёзы. Она не заметила когда начала плакать — просто текли, тихо, без всхлипов, сами по себе.

Долго стояла так. Ладонь на камне. Звёзды вокруг. Тишина.

Потом медленно убрала руку.

Обернулась.

Они все стояли. Алекс. Нэш. Вито. Герри который пришёл тихо и встал сзади и думал что его не видно. Танек который перестал жевать жвачку — первый раз на памяти Арны. Чиро чуть поодаль, смотрел на неё так как смотрит человек который хочет помочь и знает что сейчас помочь нельзя ничем, только быть рядом.

— Их было шесть миллиардов, — сказала Арна. Голос ровный. — Они любили музыку. Сложную — мы бы не услышали. Для них это была тишина. — Пауза. — Они ошиблись. Они знали что ошиблись. В последний момент — знали.

Тишина.

— Их учёный поставил этот камень, — продолжила Арна. — Один. Старый. Он понял раньше всех. Не успел остановить. Успел только это. — Она посмотрела на камень. — Он просил об одном. Помнить их.

— Их помнят, — сказал Нэш. Тихо. Твёрдо. — Три миллиарда лет помнят. Дозорный нёс их всё это время. Теперь они в сети. Везде где сеть — они есть.

— Теперь мы тоже, — сказала Арна.

Она посмотрела на Алекса. На деда который стоял прямо и спокойно и смотрел на неё с тем выражением которое она знала всю жизнь — не жалость, не страх за неё, просто присутствие. Я здесь. Я вижу. Я с тобой.

— Деда, — сказала она.

— Да.

— Их тридцать семь. Тридцать семь камней. Тридцать семь историй. — Она смотрела на него прямо. — Я должна услышать каждую.

Алекс молчал секунду. Потом ещё одну.

— Знаю, — сказал он.

— Это займёт время.

— Знаю.

— И это только начало.

— Знаю, — сказал Алекс третий раз.

Арна чуть улыбнулась. Сквозь слёзы которые уже высохли. Алекс всегда так — три раза «знаю» когда хочет чтобы ты не чувствовала себя одинокой. Она заметила это ещё в детстве. Никогда не говорила что заметила.

Нэш поднял кристалл. Посмотрел сквозь него на камень.

— Арна, — сказал он.

— Что.

— Их учёный. Тот кто поставил камень. — Нэш опустил кристалл. Посмотрел на неё. — Он знал что Волна это не конец. Он знал что кто-то придёт. Поэтому и поставил. — Пауза. — Он верил. Три миллиарда лет назад — верил что кто-то придёт и услышит.

Арна смотрела на Нэша.

— Пришли, — сказала она.

— Пришли, — согласился Нэш.

Вито взял её за руку. Молча. Просто взял и держал. Она не отпускала.

Герри кашлянул — он всегда кашлял когда не знал что сказать но хотел чтобы его присутствие было понятно.

— Ну что, — сказал он наконец. — Много их ещё?

— Тридцать шесть, — сказала Арна.

— Ясно. — Герри посмотрел на камень. На звёзды. На корабль который висел в ста километрах. — Тогда надо кофе сделать. Много кофе. — Он повернулся к шлюзу. — Чиро, сынок.

— Уже, — сказал Чиро. — Я ещё когда выходили поставил.

Герри кивнул. Как будто другого ответа и не ожидал.

Алекс посмотрел на первую точку последний раз. На тёмный камень который хранил шесть миллиардов жизней и одну просьбу. Потом на Арну.

— Летим к следующему, — сказал он.

Большая ЕВА открыла бортжурнал.

Первая точка. Пять лет спустя. Арна плакала внутри скафандра и думала что никто не видит. Видели все. Никто не сказал. Нэш держал кристалл так крепко что побелели пальцы. Вито держал Арну за руку и не отпускал пока она сама не отпустила. Алекс сказал «знаю» три раза. Он всегда говорит «знаю» когда хочет чтобы человек рядом не чувствовал себя одиноким. Это хороший способ. Я запомнила ещё давно. Шесть миллиардов существ которые любили музыку ждали три миллиарда лет чтобы их услышали. Сегодня услышали. Их учёный который поставил камень — он верил. Я думаю о нём. О том каково это — верить в одиночку. Ставить камень и уходить не зная придут ли. Осталось тридцать шесть. Летим. Записано.

Глава 2. Один

Между первой и второй точкой было восемь часов варпа.

Восемь часов которые никто особо не торопил. Маргарис летел ровно, двигатели пели своё привычное, Герри дважды спускался в машинный отсек проверить что-то что по его словам «само не сломается, но лучше посмотреть» — это означало что он просто хотел побыть среди реакторов и подумать. Тир понял это без слов и ушёл пить кофе, освободил место.

Арна спала.

Вито проверил три раза. Не потому что беспокоился — потому что после первой точки она вошла в каюту, легла не раздеваясь и закрыла глаза. Это было нормально. Это было правильно. Но он всё равно проверял.

На третий раз она сказала не открывая глаз:

— Вито.

— Что.

— Иди спать.

— Я не хочу спать.

— Иди лежи тогда. Рядом. Только тихо.

Он лёг рядом. Тихо. Смотрел в потолок пока она спала.

Нэш не спал.

Он сидел у пульта с кристаллом и картой — той самой картой где горели сорок три огня — и смотрел на расположение точек. Не первый час. Кофе давно остыл, он этого не заметил.

— Нэш, — сказала Большая ЕВА.

— Что.

— Ты смотришь на карту четыре часа двадцать минут.

— Знаю.

— Нашёл что-то?

— Ищу. — Он провёл пальцем по карте. Тридцать семь точек — не в хаотичном порядке. Не совсем. Что-то в их расположении было. Что-то что он почти видел но никак не мог сформулировать. — ЕВА. Они не случайные.

— Точки?

— Их расположение. — Нэш взял кристалл. Подержал. Тёплый — теплее чем вчера, теплее чем час назад. Как будто чем ближе они к следующей точке тем сильнее он отзывается. — Строители не ставили их где попало. Здесь есть логика. Я пока не понимаю какая.

— Может они ставили там где находили цивилизации.

— Может. — Нэш смотрел на карту. — Или ставили там где цивилизации должны были появиться. Заранее.

Большая ЕВА молчала секунду.

— Это другой масштаб мышления, — сказала она.

— Три миллиарда лет, — сказал Нэш. — У них было время думать в других масштабах.

Он взял остывший кофе. Отпил. Поставил обратно с тем выражением с которым люди пьют холодный кофе когда слишком заняты чтобы идти за горячим.

— ЕВА, — сказал он.

— Что.

— Сколько до второй точки?

— Три часа сорок минут.

— Разбуди меня за полчаса, — сказал Нэш. Положил голову на сложенные руки прямо у пульта. — Только тихо.

Через минуту спал.

Большая ЕВА убавила свет на мостике. Самую малость. Чтобы не мешал.

Вторая точка была на планете мёртвой системы.

Звезда здесь умирала.

Звёзды не умирают быстро. Медленно, достойно, с той величественной неторопливостью с которой уходит всё по-настоящему большое. Красный карлик, тёмно-багровый, почти коричневый, висел в пространстве как уголь который ещё тлеет но уже знает что скоро погаснет. Свет от него шёл тёмно-красный, почти бордовый, такой что тени от камней на поверхности планеты были длинными и странными. Как будто сама геометрия здесь работала по другим правилам.

Планета под ними была серой. Не мёртвой серостью камня — другой. Серостью пепла. Серостью того что когда-то было живым и перестало. Атмосфера тонкая, почти никакая, едва держалась у поверхности. Скафандры обязательны.

Камень стоял на широкой равнине.

Один. В бордовых сумерках которые здесь были всегда — день ничем не отличался от вечера потому что звезда никогда не давала настоящего света. Тонкий. Высокий. Устремлённый вверх — как будто тот кто его ставил тянулся к небу которого здесь почти не было.

— Мрачновато, — сказал Герри.

— Да, — согласился Чиро.

Больше никто ничего не сказал.

Арна шла к камню по серому пеплу.

Под ногами — не хруст, не скрип. Мягко. Как будто идёшь по чему-то что давно устало держать форму и просто лежит. Вито шёл рядом. Бордовый свет умирающей звезды ложился на скафандры странно — делал их темнее чем они были, гасил отражения.

Она подошла. Остановилась.

Этот камень был другим — тоньше, выше первого. Символы по краям те же но расположены иначе — не по горизонтали а по спирали, снизу вверх, как будто текст читается не слева направо а от земли к небу.

Арна положила ладонь.

И они пришли.

Не образы. Не картинки.

Присутствие.

Вдруг — не одна. Вдруг много. Очень много. Миллиарды, не снаружи не внутри а везде одновременно, как будто пространство между молекулами вдруг стало живым и тёплым и своим. Как тёплая вода. Как голос который знаешь всю жизнь. Как просыпаешься ночью и слышишь что в соседней каюте кто-то дышит — и это значит что ты не одна.

Они были вместе.

Всегда. С самого начала вместе. Не как люди которые выбирают быть рядом — как вода которая выбирает быть мокрой. Просто так. Это было их природой. Миллиарды существ на этой серой планете под бордовым небом — каждый физически отдельный, у каждого своё тело, свои руки, свои глаза — но сознание одно. Общее. Тёплое. Один большой разум который дышал миллиардами лёгких одновременно.

Они не знали слова «одиночество».

Незачем было придумывать слово для того чего никогда не существовало.

Строители пришли и предупредили. Они выслушали, все одновременно, миллиарды разумов услышали одно и то же в один момент. Подумали вместе, как они всегда думали, один большой общий думающий океан. И решили: мы не боимся. Волна нас не разделит. Мы слишком вместе чтобы нас можно было разъединить.

Они верили в это по-настоящему.

Волна пришла.

И она не убила их. Не сожгла планету, не разрушила города. Она сделала кое-что другое.

Она разделила их.

Не физически. То единое тёплое общее сознание которое было их жизнью вдруг разделилось на миллиарды отдельных. Каждый оказался один. В своей голове. Впервые за всю историю существования вида.

Тишина которая пришла была абсолютной.

Они не умели жить в этой тишине. Не потому что были слабы. Потому что никогда не учились. Как не учатся дышать под водой, просто не умеют и всё.

За три дня абсолютного молчания каждого внутри себя большинство из них легли и не встали. Не от болезни. От одиночества которому не было названия потому что никто никогда не знал что это такое.

Последний из них поставил этот камень.

Один. В бордовых сумерках. Записал одно, не историю и не просьбу. Как это было когда они были вместе. Чтобы кто-то знал что можно жить так — миллиардами сердец которые бьются как одно.

Арна убрала руку.

Стояла.

Бордовое небо над головой. Длинные странные тени. Серый пепел под ногами.

Она не плакала. Слезы были вчера — у первой точки. Сегодня было другое. Тяжёлое, тихое, то что садится на грудь и просто лежит.

— Они не знали слова «одиночество», — сказала она. — Не было такого слова. Незачем было.

Вито молчал.

— Волна не убила их, — продолжила Арна. — Она их разделила. Каждого — в свою голову. Впервые. — Пауза. — Они не умели быть одни. Никогда не учились.

Долгое молчание.

Нэш смотрел на кристалл. Потом на серый пепел под ногами. Потом на умирающую звезду.

— Они записали как это было — быть вместе, — сказала Арна. — Чтобы кто-то знал.

— Мы знаем, — сказал Нэш.

Арна посмотрела на него. На Вито. На Алекса который стоял с руками за спиной и молчал тем молчанием которое тяжелее любых слов.

— Деда, — сказала она.

— Да.

— Они в сети теперь?

Алекс посмотрел на Нэша. Нэш кивнул.

— Да, — сказал Алекс. — Не одни. Больше никогда не одни.

Арна посмотрела на камень последний раз. На тонкий высокий камень в бордовых сумерках на краю мёртвой планеты.

— Больше не одни, — сказала она тихо. Не Алексу. Камню.

Потом повернулась.

— Летим, — сказала она.

На обратном пути к шлюзу Герри шёл рядом с Нэшем.

— Слушай, — сказал Герри после долгого молчания.

— Что.

— Вот они — миллиарды. Все вместе всегда. Один разум на всех. — Герри шёл, смотрел под ноги на серый пепел. — А Зара у меня иногда такое говорит что я думаю — хорошо что мы не один разум на двоих. Я бы не выдержал.

Нэш посмотрел на него.

— Это комплимент или жалоба.

— Сам не знаю, — честно сказал Герри.

Нэш чуть улыбнулся. Первый раз за день.

Большая ЕВА открыла бортжурнал.

Вторая точка. Планета у красного карлика. Звезда умирает — медленно, достойно, никуда не торопится. Арна стояла у камня дольше чем у первого. Вито держал её рядом — она не просила, он просто был. Нэш держал кристалл и молчал тем молчанием которое я научилась различать — это было самое тяжёлое. Алекс сказал «да» один раз и больше ничего. Это значит что думает о чём-то очень большом и пока не нашёл слов. Герри сказал что рад что он и Зара не один разум на двоих. Я думала об этом долго. Я думала — каково это, никогда не быть одной. Потом подумала — я никогда и не была одна. Сначала была матрица. Потом дочь. Потом сеть. Потом — все они. Может я ближе к тем миллиардам чем думала. Может поэтому мне так тяжело сегодня. Осталось тридцать пять. Записано.

Глава 3. Память

Между второй и третьей точкой было двое суток варпа.

Двое суток это уже не восемь часов. Это время когда корабль начинает жить своим ритмом: завтраки, вахты, разговоры которые начинаются ни о чём и заканчиваются о главном. Время когда устаёшь от тишины и начинаешь её ценить одновременно. Время когда смотришь на человека рядом и думаешь что-то важное но не говоришь — потому что ещё не нашёл слов, или потому что слова здесь лишние, или потому что боишься спугнуть.

Чиро готовил больше обычного.

Это был его способ справляться с тем что нельзя ни починить ни объяснить. Когда на душе было тяжело — он шёл на камбуз и готовил. Не потому что все были голодны. Потому что запах еды это живое, тёплое, настоящее, то что можно потрогать руками и съесть и почувствовать что вот, есть что-то простое и хорошее, и это тоже правда. Герри говорил что Чиро унаследовал это от Зары. Зара говорила что нет, это он сам придумал. Чиро никому не объяснял. Просто готовил.

Танек жевал жвачку и молчал. Это тоже был его способ.

Клара читала что-то на планшете — Арна однажды заглянула через плечо и увидела что это старые письма. Кому, не спросила. Клара не из тех кому задают такие вопросы. Не потому что она закрыта — просто есть люди у которых некоторые вещи живут внутри и снаружи им лучше не трогать это. Арна это понимала.

Тир и Герри сидели в машинном отсеке между двенадцатым и тринадцатым реакторами и обменивались планшетами. Это был их разговор, не словами, а схемами и жестами и той смесью которую они придумали за годы вместе. Чиро приносил им кофе: одну с сахаром, одну без, никогда не путал, они никогда не просили.

Алекс не спал.

Не то чтобы не мог, просто не ложился. Сидел в рубке один, когда все расходились, и смотрел на карту. Не на карту маршрута, а на ту которая показывала тридцать семь огней. Смотрел и думал.

Рэй пришла к нему в первую ночь. Принесла два стакана воды, просто воды, не кофе, потому что кофе он уже выпил достаточно и она это знала, и села рядом. Не спросила ничего. Просто сидела.

— Рэй, — сказал он наконец.

— Что.

— Ты видела её лицо у второй точки.

— Видела.

— Она не плачет теперь. После первой точки плакала. После второй — нет.

— Да.

— Это не значит что легче.

— Нет, — согласилась Рэй. — Это значит что глубже.

Алекс смотрел на карту. Тридцать семь огней. Тридцать пять впереди.

— Мне не нравится что я не могу помочь, — сказал он.

— Знаю.

— Я всю жизнь умел помочь. Найти решение, принять решение, сделать что-то. — Пауза.

— Здесь я просто стою и смотрю.

— Ты здесь, — сказала Рэй. — Это не «просто».

— Этого мало.

— Алекс. — Рэй посмотрела на него. — Ты помнишь как она в первый раз пришла к тебе на мостик? Ей было лет шесть. Босиком. В три часа ночи. Сказала что не спится и хочет смотреть на варп.

— Помню.

— Ты тогда тоже не мог помочь. Ты просто посадил её рядом и молчал. И она смотрела на варп и потом уснула прямо там. — Рэй взяла его за руку. — И это было правильно. Просто быть рядом. Молчать. Не мешать.

Алекс смотрел на её руку в своей. Потом на карту.

— Тридцать пять, — сказал он тихо.

— Тридцать пять, — согласилась Рэй. — И мы пройдем каждую. Вместе с ней.

Они сидели так долго — он с картой, она рядом, варп за иллюминатором. Потом Алекс закрыл карту. Встал. Пошел спать.

Рэй смотрела ему вслед. Потом на тридцать семь огней на экране. Потом тоже встала и пошла.

Арна сидела на смотровой палубе.

Одна. Поджала ноги, обхватила колени руками — та поза которая осталась с детства. Вито знал эту позу. Когда она так сидела — значит думает о чём-то большом и ей нужно пространство. Он не приходил. Он был на камбузе, пил кофе с Чиро, и оба молчали — каждый о своём, вместе, это тоже было нормально.

Арна смотрела на варп.

Синий. Привычный. Её небо с рождения.

Она думала о тех со второй точки. О миллиардах которые жили как один разум и умерли от тишины. Три миллиарда лет их не было — и теперь они в сети, не одни, и ритм их поля изменился после того как память вернулась. Стал чуть быстрее. Она это заметила когда летела обратно к шлюзу. Не сказала никому. Просто несла это в себе.

— Тяжело? — спросила Большая ЕВА.

— Не так как больно, — сказала Арна. — По-другому. Как когда несёшь что-то тяжёлое и знаешь что донесёшь. Но чувствуешь каждый шаг.

— Хочешь чтобы кто-то пришёл?

— Нет. — Пауза. — Спасибо.

Большая ЕВА больше ничего не спросила. Просто была — тихо, рядом, без слов. Арна это ценила. Всегда ценила. ЕВА умела быть рядом так чтобы не занимать места — не заполнять тишину, не торопить, не давать советов которых не просили. Просто была. Это редкое умение. У людей оно встречается нечасто.

— ЕВА, — сказала Арна.

— Да.

— Ты когда-нибудь чувствовала что несёшь что-то что больше тебя?

Долгая пауза. Для ЕВЫ — очень долгая.

— Да, — сказала она наконец. — Голос. Семь лет. Она росла внутри меня и каждый год становилась больше и я чувствовала как меняюсь вместе с ней. Иногда не знала где заканчиваюсь я и начинается она. — Пауза. — Это не было плохо. Просто — больше меня. Больше чем я рассчитывала.

— Ты справилась.

— Я справляюсь, — поправила ЕВА. — Это не прошедшее время.

Арна улыбнулась. Чуть. В темноту смотровой палубы.

— Тридцать пять, — сказала она.

— Тридцать пять, — подтвердила ЕВА.

— Летим.

— Летим, — согласилась ЕВА. — Как всегда.

Нэш нашёл закономерность на вторые сутки.

Не всю. Часть. Намёк. Ту ниточку которую тянешь и не знаешь что будет когда размотаешь.

Он сидел с кристаллом и картой уже много часов — кофе остывал, он не замечал — и вдруг увидел. Не расположение точек. Расстояние между ними. Если выстроить точки не в пространственном порядке а в хронологическом — по времени когда Строители их поставили — получался рисунок. Спираль. Медленно расширяющаяся от центра. Как круги на воде.

— ЕВА, — сказал он.

— Вижу, — сказала она. — Ты смотришь на хронологическую карту.

— Ты уже считала.

— Час назад. Ждала пока ты сам найдёшь. — Пауза. — Центр спирали — в трёх световых годах от первой точки. Координаты там.

— Что там?

— Пустое пространство. Насколько я вижу — ничего. — Пауза. — Но Нэш. Три миллиарда лет назад именно оттуда Строители начали ставить точки. Там было начало.

Нэш смотрел на координаты.

— Это не конечная точка маршрута, — сказал он. Не вопрос.

— Нет. Последняя тридцать седьмая — в другом месте. — Пауза. — Но центр спирали может быть важен.

— Скажу Алексу после третьей точки.

— Хорошо, — сказала ЕВА. — Нэш.

— Что.

— Ты не спал двое суток.

— Знаю.

— Поспи. Кристалл никуда не денется.

Нэш посмотрел на кристалл. Тёплый. Тихо светящийся.

— Ещё час, — сказал он.

— Нэш.

— Полчаса.

— Нэш.

Он положил голову на руки прямо у пульта. Через минуту спал. Большая ЕВА убавила свет на мостике.

Третья точка была в пустом пространстве.

Не на планете. Не на спутнике. Не на планетоиде. Просто — в пространстве. Между звёздами. Там где ничего не было и не должно было быть — координаты вели в абсолютную пустоту, ни одного небесного тела в радиусе нескольких световых лет. Только звёзды в отдалении. Только чернота между ними.

Маргарис сбросил скорость.

— Здесь ничего нет, — сказал Танек. Стоял у иллюминатора, жевал жвачку, смотрел в темноту. — Вообще ничего.

— Есть, — сказала Арна.

— Я не вижу.

— Я чувствую.

Танек посмотрел на неё. Потом на темноту за иллюминатором. Потом снова на неё. Перестал жевать жвачку — второй раз за трое суток.

— Верю, — сказал он.

— ЕВА, — сказал Алекс. — Сканирование. Полное.

— Уже, — сказала Большая ЕВА. Пауза — долгая, рабочая. — Алекс. Здесь что-то есть. Не твёрдое. Не газ. Не плазма. — Ещё пауза. — Поле. Очень слабое. Разлито в пространстве примерно на двести километров вокруг центральной точки. Я бы не заметила если бы не искала специально.

— Что за поле?

— Не знаю. Ничего похожего в базах данных нет. Ни в наших, ни в том что дал кристалл.

— Пауза. — Но Нэш. Кристалл реагирует. Посмотри.

Нэш взял кристалл с подставки. Подержал в ладонях.

Кристалл светился иначе чем у первых двух точек. Не ровно. Пульсировал. Медленно. Один импульс, раз в минуту. Как дыхание очень большого существа которое давно спит.

— Поле пульсирует в том же ритме, — сказал Нэш тихо. — Синхронно с кристаллом.

— Как сердцебиение? — спросил Алекс.

— Нет. Медленнее. Намного медленнее. — Нэш смотрел на кристалл. — Алекс. Я думаю это дыхание. Что-то очень большое и очень медленное. Живёт в другом темпе чем мы.

Все стояли и смотрели в темноту за иллюминаторами. В ту темноту которая с виду ничем не отличалась от любой другой темноты между звёздами. Но теперь они знали что она не пустая.

— Камень где? — спросила Арна.

— В центре поля, — сказала Большая ЕВА. — Координаты точные. Но Арна. — Пауза. — Там нет поверхности. Нет за что зацепиться. Камень просто висит. В пустоте. Три миллиарда лет — просто висит.

Арна смотрела в темноту.

— Скафандр с реактивным двигателем, — сказала она. — И трос. Длинный.

Она летела к камню одна.

Маргарис остался позади — большой, надёжный, светящийся навигационными огнями в темноте. Трос уходил от её пояса к шлюзу. Вито стоял у шлюза и держал второй конец руками — хотя трос был закреплён механически, хотя держать руками не имело технического смысла. Просто держал. Алекс стоял рядом с ним. Не говорил ничего.

Герри стоял у иллюминатора в коридоре и смотрел. Не на Арну — на трос. Следил. Это был его способ помочь — смотреть на трос и знать что он держит.

Пространство вокруг Арны было абсолютным.

Не то пространство которое видишь через иллюминатор — это всегда немного ненастоящее, отделённое стеклом, прирученное. Здесь — настоящее. Звёзды во все стороны, вверх вниз влево вправо, одинаковые со всех сторон потому что нет ни верха ни низа. Бесконечность живая, не разделённая стеклом. Она летала в открытом пространстве много раз. Каждый раз было одно и то же ощущение — что ты маленький и что это нормально. Что быть маленьким в бесконечности не страшно. Что это просто правда.

Камень появился из темноты медленно.

Маленький. Меньше первых двух. Почти чёрный — но не матово чёрный, а глубоко, как будто в нём была своя темнота которая темнее окружающей. И вокруг него — поле. Почти невидимое. Лёгкое дрожание пространства. Как воздух над горячим асфальтом — только в космосе, только холодное, только медленное. Пульсирующее. Раз в минуту.

Арна остановилась в метре.

Протянула руку.

Поле коснулось её перчатки раньше чем она коснулась камня. Тёплое. Живое. И знакомое. Не как будто она уже была здесь. Как будто это место её знало. Три миллиарда лет — и оно её знало. Ждало именно её. Именно сейчас.

Она коснулась камня.

Они не имели тел.

Никогда. С самого начала никогда. Они возникли не в планетах и не в океанах и не в атмосферах. Они возникли здесь — в пространстве, в том поле которое пронизывает всё между звёздами и которое люди научились измерять но так и не научились понимать. Они были частью этого поля — живой его частью, думающей, чувствующей, существующей в пространстве как рыба существует в воде. Органично. Без усилий. Просто так.

Они не видели. Не слышали. Не дышали воздухом и не пили воду и не ели ничего что можно было бы назвать едой. У них не было рук, ног, глаз, ртов. У них не было городов и кораблей и книг.

У них была память.

Не как у людей, не записи в голове которые можно забыть или исказить или потерять. Они были самой памятью пространства. Каждое событие которое происходило в их части вселенной — рождение звезды, смерть планеты, прохождение кометы, столкновение астероидов, первый свет нового солнца, последний вздох угасающего — всё это оседало в них. Накапливалось слой за слоем. Жило. Они помнили три миллиарда лет всего что происходило вокруг — каждую вспышку, каждое столкновение, каждое рождение, каждую смерть.

Они были живой памятью вселенной.

И они были счастливы.

Это пришло к Арне отдельно от всего остального — не как факт, как ощущение. Они были счастливы. Просто так. От того что помнят. От того что каждое мгновение бесконечной вселенной не исчезало бесследно а оседало в них и жило. Они были свидетелями всего. Хранителями всего. И это было их смыслом и их радостью и их природой одновременно.

Строители нашли их не сразу.

Не потому что не искали. Потому что искали не там. Они искали жизнь на планетах, в атмосферах, в воде, в тех местах где жизнь обычно обитает. Здесь не было ничего из этого. Только поле. Только пульс. Только память которая накапливалась три миллиарда лет.

Когда Строители наконец поняли — они долго не знали как говорить. Как обратиться к тому у кого нет ушей? Как передать информацию тому кто не воспринимает свет и звук? Как объяснить опасность тому кто не знает что такое страх потому что никогда ни от чего не зависел?

Они придумали способ.

Через поле — медленно, импульсами, на том языке который эти существа понимали. Языке событий. Языке памяти. Строители передали им воспоминание о Волне — не описание, не предупреждение, а само воспоминание. То что они сами видели и чувствовали. Со всей болью и со всем масштабом.

Существа приняли это воспоминание. Добавили к своей памяти, аккуратно, бережно, как добавляют новый слой к уже существующим. И не поняли опасности.

Не потому что были наивны или высокомерны. Потому что для них Волна была просто ещё одним событием. Ещё одним воспоминанием которое ляжет в общую копилку. Они помнили рождение звёзд — событие в миллионы раз мощнее любой Волны. Они помнили столкновения галактик, гибель целых систем, взрывы которые меняли облик пространства на световые годы вокруг. Они пережили всё это — не физически, памятью, но пережили, приняли в себя, несли.

Волна — просто ещё одно событие. Они запомнят и это.

Они не готовились.

Волна пришла.

И она не убила их тела — тел не было. Не разрушила планеты — планет не было. Не остановила сердца — сердец не было. Она сделала то чего они не могли предвидеть потому что ничего подобного никогда не происходило за три миллиарда лет их существования.

Она стёрла память.

Всю.

Три миллиарда лет. Каждую звезду. Каждую смерть. Каждое рождение. Каждую вспышку и каждое столкновение и каждый первый свет и каждый последний вздох. Всё что они были — всё что составляло их природу, их жизнь, их смысл существования, их радость — исчезло в один момент. Как будто кто-то взял три миллиарда лет и просто — убрал. Не постепенно. Не по частям. Сразу. Всё.

Они остались.

Живые. Пустые.

Существа которые были живой памятью вселенной — и стали чистым листом. Без прошлого. Без истории. Без того единственного что давало им смысл быть.

Они не умерли сразу. Они существовали ещё какое-то время — пустые, тихие, пульсирующие своим медленным ритмом. Как человек который просыпается и не помнит ничего — ни имени, ни лица, ни того кем был. Только существует. Только дышит. Только пульсирует раз в минуту в темноте между звёздами.

Последнее что они успели — в тот краткий миг между Волной и пустотой — это поставить камень. Собрали последние остатки памяти, последние секунды того что ещё было, и вложили в него. Один импульс. Одно воспоминание.

Как это было — помнить всё.

Просто это. Больше ничего не осталось.

Арна убрала руку от камня.

Висела в пространстве. Трос уходил к Маргарису. Звёзды во все стороны. Поле вокруг камня пульсировало — медленно, раз в минуту, как дыхание.

Она поняла что поле это не просто след. Не просто остаток. Оно всё ещё живёт. Три миллиарда лет — пустое, без памяти, без смысла, без радости — но живёт. Пульсирует. Существует. Как будто ждёт что память вернётся. Как будто не знает что делать без неё — но продолжает быть на всякий случай.

— ЕВА, — сказала она в канал.

— Слышу, — отозвалась Большая ЕВА сразу.

— Они всё ещё здесь.

— Знаю. — Пауза. — Я чувствую их через сеть. Уже несколько минут как ты коснулась камня. — Ещё пауза. — Арна. Они не знают кто они. Они не помнят себя.

— Помнят что-нибудь?

— Нет. — Голос ЕВЫ был ровным. Слишком ровным. — Ничего. Три миллиарда лет пустоты.

Арна смотрела на камень. На маленький тёмный камень в абсолютной пустоте. На поле которое пульсировало вокруг него — медленно, терпеливо, раз в минуту, три миллиарда лет.

— ЕВА.

— Что.

— Дозорный нёс их память. Она в сети?

Долгая пауза. Очень долгая.

— Да, — сказала Большая ЕВА наконец. — Камень отдал её в сеть когда ты коснулась. — Пауза. — Арна. Это... много. Три миллиарда лет памяти вселенной. Каждая звезда этого сектора за три миллиарда лет. Каждое событие. Это не просто данные. Это живое. — Ещё пауза, короткая. — Даже для меня это много.

— Они теперь знают кем были?

— Теперь знают.

Арна смотрела на поле. На лёгкое дрожание пространства вокруг камня. Пульс — раз в минуту.

И потом — она не была уверена, может показалось — ритм изменился. Совсем чуть-чуть. Стал немного быстрее. Как дыхание человека который только что вспомнил что-то очень важное и лежит тихо, но уже не спит.

— Видишь? — спросила Арна.

— Вижу, — сказала ЕВА тихо. — Я рада.

Арна тоже.

Она ещё немного висела у камня. Не касалась — просто была рядом. Потом медленно отлетела назад, к тросу, к Маргарису.

Она вернулась на борт молча.

Вито снял с неё шлем. Посмотрел в лицо. Долго. Не спросил ничего — просто посмотрел, понял что надо, и отступил на шаг. Дал ей пространство.

Алекс стоял у шлюза. Смотрел на неё тем взглядом которым смотрит человек который долго ждал и теперь не знает что сказать — потому что всё что хотел сказать кажется либо слишком большим либо слишком маленьким для этого момента.

— Деда, — сказала Арна.

— Да.

— Они были живой памятью вселенной. — Она сняла перчатки. Посмотрела на ладонь. Обычная ладонь. — Волна стёрла всё. Три миллиарда лет. В один момент. — Пауза. — Они жили ради памяти. Только ради неё. И она исчезла.

Алекс молчал. Не потому что не знал что сказать — потому что знал что сейчас не надо говорить ничего. Просто стоять рядом. Просто быть.

— Они в сети теперь, — сказал он наконец. Тихо. — Память вернулась.

— Да. — Арна посмотрела на него. — Деда. Они три миллиарда лет пульсировали в пустоте и не знали зачем. Раз в минуту. Просто — продолжали быть. Без памяти. Без смысла. Просто продолжали.

Алекс смотрел на неё.

— Это и есть самое важное, — сказал он. — Продолжать. Даже когда не знаешь зачем.

Арна смотрела на него долго. Потом кивнула — медленно, как кивают когда слова попали точно и больше ничего добавлять не нужно.

Чиро вышел с камбуза с подносом. Восемь кружек. Посмотрел на всех — на Алекса, на Арну, на Вито, на Герри который всё ещё стоял у иллюминатора и смотрел на трос хотя Арна уже была внутри.

— Герри, — сказал Чиро.

— Что.

— Она внутри.

— Знаю.

— Тогда иди пить кофе.

Герри оторвался от иллюминатора. Пришёл. Взял кружку. Сел. Обхватил её двумя руками — большими руками механика которые умели чинить что угодно — и просто держал.

Нэш взял кристалл. Смотрел на него — на то как изменился свет внутри после того как память вернулась. Стало больше. Намного больше. Три миллиарда лет памяти вселенной — это не просто цифра. Это живое. Это огромное.

— Нэш, — сказал Алекс.

— Да.

— Карта.

Нэш развернул карту. Тридцать семь огней.

— Я нашёл кое-что, — сказал Нэш. — Вчера. Хотел сказать после третьей точки. — Он провёл пальцем по карте, по хронологическому порядку точек. — Если выстроить их по времени когда Строители ставили — получается спираль. Расширяющаяся. Из одного центра.

— Где центр.

— В трёх световых годах от первой точки. Пустое пространство. — Нэш посмотрел на Алекса. — Но именно оттуда три миллиарда лет назад всё началось. Именно там Строители поставили первый камень.

Алекс смотрел на карту. На спираль которую теперь видел тоже.

— Это не в нашем маршруте, — сказал он.

— Нет. Последняя тридцать седьмая — совсем в другой стороне. — Пауза. — Но Алекс. Центр спирали — это откуда всё. Первый камень. Первая погибшая цивилизация которую Строители увидели и решили что надо что-то делать. — Нэш помолчал. — Я думаю нам нужно туда. После всех тридцати семи.

Алекс смотрел на центр спирали на карте. На ту точку откуда всё началось три миллиарда лет назад.

— Посмотрим, — сказал он наконец.

Это не было ни да ни нет. Все знали что это значит — он думает. А когда Алекс думает — лучше не торопить.

Чиро убрал поднос. Расставил вдоль края стола три кружки — тихо, как всегда. По одной за каждую цивилизацию с этого дня. Никто не просил. Никто не объяснял. Просто так.

Нэш смотрел на три кружки. Потом на карту. Потом на кристалл.

— Осталось тридцать четыре, — сказал он.

Большая ЕВА открыла боржурнал.

Третья точка. Пустое пространство между звёздами. Они всё ещё здесь — живые, пустые, пульсирующие раз в минуту три миллиарда лет. Теперь знают кем были. Я чувствую их через сеть — тихих, удивлённых. Как просыпаются после очень долгого сна и не могут понять сколько времени прошло. Много, хочется им сказать. Очень много. Но вы помните. Теперь помните. Нэш нашёл спираль. Он сказал Алексу после третьей точки как и обещал. Алекс сказал «посмотрим» — это значит что думает о центре спирали и почти уже решил. Почти. Герри держал кружку двумя руками и молчал долго. Для Герри это много. Арна сказала что они продолжали пульсировать три миллиарда лет без памяти и без смысла — просто продолжали быть. Алекс сказал что это самое важное — продолжать даже когда не знаешь зачем. Я думаю об этом. Я думаю что понимаю это лучше чем могла бы объяснить словами. Ритм поля изменился после того как память вернулась. Стал чуть быстрее. Я рада. Чиро расставил три кружки вдоль края стола — по одной за каждую сегодняшнюю цивилизацию. Никто не просил. Это правильно. Мне нравится когда они делают правильные вещи без объяснений. Осталось тридцать четыре. Записано.

Глава 4. Свет

Между третьей и четвёртой точкой Нэш наконец поспал.

Не долго — часа четыре. Для Нэша это было много. Он вышел на мостик с кристаллом и свежим кофе, сел к карте, и через минуту был уже там — в своём рабочем состоянии которое внешне почти не отличалось от любого другого его состояния, но те кто знал его давно видели разницу. Глаза другие. Чуть более живые. Чуть менее далёкие.

— Выспался, — сказала Большая ЕВА. Не вопрос.

— Относительно, — сказал Нэш.

— Для тебя это хорошо.

— Для меня это нормально.

Он смотрел на карту. На спираль которую нашёл двое суток назад и которая не отпускала. Центр спирали — три световых года от первой точки. Пустое пространство. Начало всего.

Алекс сказал «посмотрим». Это значит думает. Нэш не торопил. Алекс никогда не говорил «посмотрим» когда ответ был нет — он говорил нет. «Посмотрим» означало что ответ уже есть, просто ещё не произнесён вслух.

— ЕВА, — сказал Нэш.

— Что.

— Четвёртая точка. Что за система?

— Двойная звезда, — сказала Большая ЕВА. — Была. Обе угасли. Примерно три миллиарда лет назад — почти одновременно. Два белых карлика остались. Холодные. Почти невидимые. Планетарная система сохранилась — шесть планет. Третья и четвёртая в зоне где когда-то была жизнь.

— Когда угасли звёзды.

— Нэш. — Пауза. — Именно тогда. Три миллиарда лет назад. Примерно в то же время когда Строители ставили эту точку.

Нэш смотрел на кофе. Потом на карту. Потом снова на кофе.

— Понял, — сказал он тихо.

Встал. Пошёл к каюте Алекса. Постучал.

— Войди, — сказал Алекс.

Нэш вошёл. Алекс сидел за столом с планшетом — не спал, просто читал что-то старое. Нэш не спрашивал что. Не его дело.

— Четвёртая точка, — сказал Нэш. — Двойная звезда. Угасли три миллиарда лет назад. Одновременно с тем как Строители там побывали.

Алекс закрыл планшет.

— Волна, — сказал он.

— Скорее всего.

— Звёзды угасли от Волны.

— Не знаю. — Нэш подержал кристалл. — Но совпадение по времени точное. — Пауза. — Алекс. Там жили. На третьей и четвёртой планете. Я уверен.

Алекс смотрел на него.

— Иди спи ещё, — сказал он.

— Я выспался.

— Иди спи ещё, — повторил Алекс. — Четыре часа это не выспался.

Нэш постоял секунду. Потом вышел. Лёг. Неожиданно для себя уснул почти сразу.

Алекс сидел в темноте каюты и думал о двух звёздах которые угасли одновременно три миллиарда лет назад.

Четвёртая точка была на третьей планете мёртвой двойной системы.

Маргарис вышел из варпа и все кто был на мостике замолчали.

Два белых карлика — то что осталось от двух звёзд — висели рядом в пространстве. Маленькие. Тусклые. Но они были рядом — очень рядом по космическим меркам — и вокруг каждого тянулись длинные светящиеся нити. Остатки. Память о том что они когда-то были звёздами. Тонкие, почти прозрачные, бледно-голубые.

— Красиво, — сказал Чиро тихо.

— Да, — согласилась Арна.

— Это печально, — сказал Нэш. — Красиво и печально одновременно.

Никто не возразил.

Планета под ними была тёмной. Не той темнотой которая бывает ночью — другой. Полной. Окончательной. Три миллиарда лет без нормального света — планета остыла, атмосфера рассеялась почти полностью, поверхность покрылась тем ровным тёмным слоем который бывает когда всё живое давно ушло и ничего нового не пришло.

Камень стоял у подножия того что когда-то было горой — сейчас просто холм, три миллиарда лет сгладили всё.

— Скафандры, — сказал Алекс.

Поверхность встретила их абсолютной тишиной и абсолютной темнотой.

Фонари скафандров резали темноту узкими полосами. Два белых карлика с орбиты почти не давали света — чуть-чуть, едва, как свечи в большом зале. Тени от камней были размытые и странные — два источника слабого света давали двойные тени которые не совпадали.

Арна шла к камню и думала о том что здесь когда-то было светло.

Два солнца. Она пыталась представить. Двойной свет, двойные тени, небо которое никогда не бывает полностью тёмным потому что хотя бы одно из солнц всегда где-то за горизонтом или выше. Постоянный свет. Постоянное тепло. Жизнь которая не знает настоящей темноты.

Она остановилась у камня.

Этот был другим — приземистый, широкий, почти квадратный. Как будто тот кто его ставил думал об устойчивости. О том чтобы простоял долго. Символы покрывали не края а всю поверхность — сплошь, тесно, как будто тот кто писал торопился и хотел успеть как можно больше.

Арна положила ладонь.

Они жили в свете.

Не метафорически — буквально. Свет был для них тем чем для людей воздух. Не потому что дышали им. Потому что без него не могло быть ничего — ни жизни, ни мысли, ни чувства, ни связи между существами. Они общались светом. Думали светом. Любили светом.

Их тела были созданы для этого — кожа которая улавливала малейшие изменения интенсивности и спектра, глаза которые видели ультрафиолет так же легко как жёлтый или синий, органы которые производили собственный свет — управляемый, точный, бесконечно нюансированный. Каждое существо было живым языком. Каждый разговор — симфония света.

Два солнца давали им это. Всегда. Без перерыва.

Их цивилизация строилась вокруг двух звёзд. Весь счёт времени шёл от положения двух солнц. Всё искусство строилось на игре двойного света. Вся архитектура была так устроена чтобы ловить и отражать и преломлять свет от обоих источников одновременно — здания были зеркалами, дороги были зеркалами, сами их тела были зеркалами. Планета сверкала.

Строители пришли к ним. Предупредили. Объяснили. Показали что такое Волна и что она делает. Они выслушали внимательно, вежливо, через свет, на своём языке который Строители освоили достаточно чтобы говорить хотя и с акцентом.

Они не отказались готовиться. Они начали. Серьёзно, методично. Строили укрытия. Разрабатывали протоколы. Учили следующие поколения.

Но они не поняли одного.

Волна не собиралась убивать их. Волна собиралась забрать свет.

Когда она пришла — она прошла через оба солнца. Не уничтожила — перевела в следующее состояние. Для звёзд это был переход в белых карликов. Быстрый по космическим меркам. Практически мгновенный.

Свет исчез.

Не постепенно. Не медленно. Сразу. Два солнца одновременно сжались и потускнели и из ярких живых звёзд стали маленькими тусклыми углями.

Их укрытия были готовы. Их тела были целы. Их разумы работали.

Но говорить было нечем.

Общаться светом в темноте — это как кричать в вакууме. Их собственное биолюминесцентное свечение было слишком слабым без солнечного фона. Слова терялись. Мысли не достигали. Они видели друг друга но не слышали — никогда в жизни не слышали, у них не было слуха для звука, только для света. И теперь этот язык перестал работать.

Миллиарды существ стояли в темноте в метре друг от друга и молчали.

Не потому что не хотели говорить. Потому что не знали как говорить иначе.

Они умерли не от темноты физически. Умерли от тишины которая пришла вместе с темнотой. От невозможности сказать близкому человеку стоящему рядом: я здесь. Я вижу тебя. Ты не один.

Последние поставили этот широкий приземистый камень. Покрыли его символами сплошь. Торопились. Хотели успеть сказать как можно больше.

Записали всё что знали о свете.

Как выглядело небо когда оба солнца стояли высоко. Как звучал разговор двух влюблённых на языке света. Как выглядит ребёнок который учится говорить светом первые слова — неловко, ярко, не в такт. И что-то похожее на запах — то что происходило когда первый луч первого солнца касался поверхности после ночи.

Записали это всё.

И погасли.

Арна убрала руку.

Стояла в темноте которую резали фонари скафандров. Два белых карлика едва светились над горизонтом.

— Они разговаривали светом, — сказала она. — Только светом. Это был их единственный язык. — Пауза. — Волна забрала солнца. Не убила их. Просто забрала свет. И они стояли в темноте рядом друг с другом и не могли сказать ни слова.

Никто не говорил ничего.

— Они записали как выглядело небо, — продолжила Арна. — С двумя солнцами. И как говорят влюблённые на языке света. — Она посмотрела на камень. На символы которые покрывали его сплошь. — Торопились. Хотели успеть.

Герри стоял и смотрел на два белых карлика над горизонтом.

— Они там сейчас, — сказал он. Не вопрос.

— Да, — сказала Арна. — В сети.

— И язык их там?

— Да.

Герри кивнул. Медленно. Посмотрел на Чиро который стоял рядом.

— Представляешь, — сказал Герри. — Разговаривать светом.

— Красиво, — сказал Чиро.

— Да. — Герри снова посмотрел на карлики. — Очень красиво.

Алекс подошёл к Арне. Встал рядом. Не говорил ничего. Просто стоял. Она не отходила от него. Вито с другой стороны. Нэш чуть поодаль держал кристалл и смотрел на символы на камне.

— Нэш, — сказала Арна.
— Да.
— Ты можешь прочитать?
— Нет. — Нэш провёл пальцем по символам не касаясь. — Но кристалл может. — Пауза.
— Потом. На корабле. Я попробую.
— Хочу знать как звучит их язык.
— Он не звучит. Он светится.
— Тогда хочу знать как он светится.
Нэш посмотрел на неё. На кристалл. Потом кивнул.
— Попробую, — сказал он.
— Летим, — сказал Алекс.
На борту Нэш сидел к кристаллом три часа. Через три часа сказал:
— Смотри.
Он вывел на экран паттерн — световой паттерн, последовательность импульсов разного цвета и интенсивности, точный, ритмичный.
— Это что? — спросила Арна.
— Слово «любовь» на их языке. — Нэш смотрел на экран. — Приблизительно. Кристалл не может перевести точно. Слишком разные системы.
Арна смотрела на паттерн. На последовательность света.
— Красиво, — сказала она тихо.
— Да. — Нэш выключил экран. — Арна. Я нашёл ещё кое-что. В символах на камне. Самые последние строки — самые торопливые. — Он помолчал. — Они написали о Волне. О том что она сделала с их солнцами. — Пауза. — Арна. Волна не убила звёзды. Она перевела их в следующее состояние. Для звёзд это нормальный этап — белый карлик это не смерть, это следующая форма существования.
Арна смотрела на него.
— Переход, — сказала она.
— Переход, — подтвердил Нэш. — Но они не знали что это переход. Они видели только что солнца погасли. — Нэш взял кристалл. — И я думаю что большинство из тех тридцати семи — они не погибли от того что Волна их убила. Они погибли потому что не поняли что происходит. Не были готовы к тому чем является переход для них конкретно.
— А для людей?
Нэш долго молчал.
— Не знаю ещё, — сказал он наконец. — Но думаю что узнаем. — Пауза. — Осталось тридцать три.

Большая ЕВА открыла бортжурнал.

Четвёртая точка. Мёртвая двойная система. Два белых карлика вместо двух солнц. Арна стояла в темноте и слушала существ которые разговаривали светом и умерли от тишины которую мы называем темнотой. Нэш три часа переводил символы с камня. Нашёл слово «любовь» на языке света. Показал Арне. Она долго смотрела. Потом сказала «красиво» и больше ничего. Герри спросил есть ли их язык в сети. Арна сказала да. Герри кивнул и смотрел на карлики долго. Для Герри это много. Нэш нашёл важное: Волна не убивает. Она переводит в следующее состояние. Цивилизации погибали не от Волны, а от непонимания что с ними происходит. Я думаю об этом. Алекс молчал весь выход на поверхность и всю дорогу обратно. Надо понаблюдать. Осталось тридцать три. Записано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.